

ЮРИСДИКЦИОННЫЙ ИММУНИТЕТ ГОСУДАРСТВА КАК УЧАСТНИКА ПРОЦЕССА МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

А. Л. ЦИММЕРМАН*

Циммерман Александр Львович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
международного права
Санкт-Петербургского
государственного университета

Международное военно-техническое сотрудничество осуществляется на основе соглашений, заключаемых между государствами. Основным способом их реализации является заключение международных коммерческих контрактов, сторонами которых являются уполномоченные государствами коммерческие компании, и прежде всего государственные корпорации. Поскольку военно-техническое сотрудничество направлено на достижение не только политических, но и коммерческих целей, то оно затрагивает сферу гражданско-правовых отношений международного характера с участием государства, т. е. международного частного права.

В статье рассмотрены особенности правового положения государства как субъекта правоотношений, возникающих в процессе международного военно-технического сотрудничества, в свете концепции функционального иммунитета. Исследованы проблемы соотношения ответственности государства и государственных юридических лиц

при совершении международных коммерческих сделок в отношении имущества военного назначения.

Как показывает практика, контракты, заключенные государственными компаниями, нередко рассматриваются иностранными судами как заключенные от имени государства. Несмотря на то что ряд международных конвенций закрепляют иммунитет за государственной собственностью военного характера, их использование не получило широкого распространения.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что на основании вынесенного против государственной компании судебного или арбитражного решения взыскание может быть обращено на имущество военного назначения, являющееся предметом сделки и находящееся в собственности иностранного государства.

* Zimmermann Alexander Lvovich — Ph.D. in Law, Associate Professor at the Chair of International Law, Saint-Petersburg State University.

E-mail: alexzimmer@list.ru

© Циммерман А. Л., 2014

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: военно-техническое сотрудничество, функциональный иммунитет государства, продукция военного назначения, коммерческие сделки с участием государства, собственность военного характера.

ZIMMERMANN A. L. JURISDICTIONAL IMMUNITY OF STATE AS A PARTICIPANT OF INTERNATIONAL MILITARY TECHNICAL COOPERATION PROCESS

International military and technical cooperation is carried out in accordance with the agreements entered into by and between states. The main way of performance in this sphere is to enter into international commercial contracts, the parties to which are commercial companies authorized by states and state corporations, in the first place. Since military and technical cooperation is aimed at reaching not only political, but also commercial goals, it touches the sphere of civil law relations of international character with the state as a participant, i.e. private international law.

The article considers legal status peculiarities of the state as subject in a legal relationships uprising in the international military technical cooperation process in terms of the functional immunity concept. It deals with issues on balance of liability between the state and public organizations in the international business transactions in case of military-oriented property.

The reality is that contracts concluded by state companies are considered very often by foreign courts as those concluded on behalf of the state. A number of international conventions have allocated immunity upon the state property of military character but they did not receive broad support.

The research made shows that, in case of adjudication against a state company, recourse can be taken as to the military-oriented property subject to a transaction and owned by a foreign state.

KEYWORDS: military technical cooperation, functional immunity of the state, military-oriented material, business transactions with the state involved, military-oriented property.

Одним из важнейших направлений развития современных международных экономических отношений является расширение военно-технического сотрудничества между государствами. Законодательство Российской Федерации определяет военно-техническое сотрудничество как «деятельность в области международных отношений, связанную с вывозом и ввозом, в том числе с поставкой или закупкой, продукции военного назначения, а также с разработкой и производством продукции военного назначения».¹

Правовой основой этого процесса выступают, как правило, двусторонние международные договоры между государствами, которые регламентируют порядок взаимных поставок продукции военного назначения, выполнения работ и оказания услуг в области военно-технического сотрудничества. Эти же договоры определяют уполномоченные государственные органы и организации по реализации положений таких договоров.²

¹ Статья 1 Федерального закона № 114-ФЗ от 19 июля 1998 г. (в ред. от 10 июля 2012 г.) «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» // <http://www.fsvts.gov.ru/materials/492A334D72F0E528C325745C00335DEF.html> (дата обращения: 16 февраля 2014 г.).

² Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о развитии военно-технического сотрудничества от 10 декабря 2009 г. // Бюллетень международных договоров. 2011. № 7. С. 67–71.

В договорах могут также оговариваться номенклатура и объемы взаимных поставок продукции и услуг военного назначения, условия и формы расчетов по поставкам продукции военного назначения и другие вопросы.³

Не вызывает сомнения, что процесс военно-технического сотрудничества не просто экономический процесс, но он служит инструментом национальной внешней и внутренней политики. Вследствие этого вооружение и военная техника, как правило, становятся предметом особого регулирования и в рамках национальных правовых систем.

В. В. Кудашкин справедливо отмечает, что поскольку «отношения между государствами, направленные на международный обмен продукцией военного назначения, являются межгосударственными, а отношения между субъектами хозяйственной деятельности различной государственной принадлежности — составной частью международных экономических отношений», то всякие перемещения вооружения и военной техники за пределы государственной территории, в том числе экспорт такого имущества, производятся с ведома и под контролем государства.⁴

Н. Г. Вилкова, рассматривая особенности участия государственных предприятий в международном коммерческом обороте, также считает, что область военно-технического сотрудничества является той «чувствительной» областью, где государство заинтересовано в осуществлении контроля.⁵

Подобный подход является общепризнанным. Так, в соответствии с п. 2 ст. 26 Основного закона Федеративной Республики Германия «оружие, предназначенное для ведения войны, может изготавливаться и использоваться лишь с разрешения Федерального правительства».⁶

Законодательство Российской Федерации также определяет, что «все вопросы, связанные с военно-техническим сотрудничеством Российской Федерации с иностранными государствами, находятся в исключительном ведении органов государственной власти Российской Федерации».⁷ В частности, список государств, в которые разрешена передача продукции, указанной в списке продукции военного назначения и разрешенной к передаче иностранным заказчикам по представлению Правительства Российской Федерации, утверждается Президентом Российской Федерации.⁸ Что касается военно-технического сопровождения и контроля за разработкой, производством и поставками продукции военного назначения, предназначенной для передачи иностранным заказчикам, при проведении внешнеторговых операций с иностранными государствами, то эти функции осуществляются федеральными органами исполнительной власти Российской Федерации в лице Министерства обороны, Федеральной службы по

³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о военно-техническом сотрудничестве от 29 октября 1993 г. // Бюллетень международных договоров. 1997. № 10. С. 11–12.

⁴ Кудашкин В. В. Экспорт продукции военного назначения. М., 2000. С. 22.

⁵ Вилкова Н. Г. Об одной из разновидностей участников международного коммерческого оборота // Цивилист. 2007. № 1. С. 56–57.

⁶ Федеративная Республика Германия. Конституция и законодательные акты. М., 1991. С. 35.

⁷ Статья 2 Федерального закона № 114-ФЗ от 19 июля 1998 г. (ред. от 10 июля 2012 г.) «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами».

⁸ Там же (п. 2 ст. 6).

военно-техническому сотрудничеству и Федеральной службы по техническому и экспортному контролю.⁹

Анализ международных договоров и нормативных актов российского права, регламентирующих вопросы международного военно-технического сотрудничества, выявляет необходимость обратить внимание на некоторые аспекты, касающиеся правового статуса государств, выступающих в качестве субъектов правоотношений, которые возникают в процессе военно-технического сотрудничества, а также на проблемы, связанные с определением правового статуса «продукции военного назначения», являющейся предметом таких договоров.

В соответствии с положениями международных договоров о военно-техническом сотрудничестве непосредственные поставки продукции военного назначения «осуществляются по контрактам, заключаемым уполномоченными организациями» государств — участников договора.¹⁰ Такими уполномоченными организациями, именуемыми в соответствии с российским законодательством «субъектами военно-технического сотрудничества», являются «российские организации, получившие право на осуществление внешнеторговой деятельности в отношении продукции военного назначения».¹¹ Среди них можно выделить так называемых государственных посредников по экспорту (импорту) продукции военного назначения — Государственную корпорацию по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростехнологии»¹² и специализированные организации, созданные по решению Президента Российской Федерации в форме федерального государственного унитарного предприятия, основанного на праве хозяйственного ведения, либо в форме открытого акционерного общества, 100 % акций которого находится в федеральной собственно-

⁹ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 7 июня 2001 г. № 447 (ред. от 28 марта 2012 г.) «Об утверждении Положения об осуществлении контроля за внешнеэкономической деятельностью в отношении товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники» // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Правительства Российской Федерации от 2 октября 1999 г. № 1109 «Об утверждении Положения об осуществлении федеральными органами исполнительной власти технического сопровождения и контроля разработки, производства и поставок продукции военного назначения» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Поскольку в соответствии со ст. 1 Федерального закона «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» к «продукции военного назначения» относятся также «подготовка и обучение военных и военно-технических кадров иностранных государств»; «обучение разработке, производству, эксплуатации, боевому применению, ремонту, модернизации и обслуживанию вооружения и военной техники»; «предоставление транспортных средств, в том числе военных, для доставки и перемещения продукции военного назначения»; «передача продукции военного назначения иностранным государствам в аренду (лизинг) или для проведения испытаний»; «передача (продажа) лицензий, проектной, конструкторской и научно-технической документации на создание, производство, модернизацию, эксплуатацию, боевое применение, ремонт и (или) уничтожение (утилизацию) вооружения и военной техники и оказание технического содействия в организации этих работ» и т. п., то по своему содержанию заключаемые контракты могут быть квалифицированы как контракты оказания услуг, подряда, аренды, лизинга, фрахтования, лицензионные и т. д.

¹¹ См. ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ от 19 июля 1998 г. (ред. от 10 июля 2012 г.) «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами».

¹² Федеральный закон от 23 ноября 2007 г. № 270-ФЗ (ред. от 10 июля 2012 г.) «О Государственной корпорации «Ростехнологии» // СПС «КонсультантПлюс».

сти или передано некоммерческой организации, созданной Российской Федерацией в форме государственной корпорации (прежде всего, ОАО «Рособоронэкспорт»¹³). Субъектами военно-технического сотрудничества являются также российские организации — разработчики и производители продукции военного назначения, получившие в установленном порядке право на осуществление внешнеторговой деятельности в отношении продукции военного назначения.¹⁴

Таким образом, основным способом реализации межгосударственных договоров о военно-техническом сотрудничестве между государствами является заключение международных коммерческих контрактов, сторонами которых являются специально уполномоченные государствами юридические лица.¹⁵

В ряде случаев, как показывает практика, возможно заключение подобных контрактов между специально уполномоченными организациями государства с одной стороны и непосредственно государством либо государственным органом, выступающим от имени государства, с другой стороны.

Так, например, в США наряду с программой «военных поставок зарубежным странам» (Foreign Military Sales), предполагающей продажу американского военного оборудования, предоставление услуг и организацию учений напрямую через правительство США и правительство другой страны, существует также программа «прямых коммерческих поставок» (Direct Commercial Sales). Данная программа отличается от программ государственных военных поставок зарубежным странам тем, что по условиям данной программы «сделка совершается не между двумя правительствами, а между американскими корпорациями и правительством другого государства». При этом американские компании получают от Министерства обороны США лицензию на экспорт оружия, которая позволяет им напрямую договариваться о поставках оборудования с зарубежными покупателями.¹⁶

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что особенностью правоотношений, возникающих в процессе международного военно-технического сотрудничества, является их комплексный характер, поскольку они возникают не только в области межгосударственных отношений, но затрагивают и сферу гражданско-правовых отношений международного характера с участием государства.

В связи с этим возникает ряд проблем, связанных с прямым либо опосредованным участием государства в таких отношениях, и прежде всего, наступление возможной ответственности государства в том случае, если в процессе исполнения обязательств, вытекающих из заключенных

¹³ См. п. 1 Указа Президента РФ от 4 ноября 2000 г. № 1834 (ред. от 22 марта 2005 г.) «О создании федерального государственного унитарного предприятия «Рособоронэкспорт» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ См. ст. 12 Федерального закона № 114-ФЗ от 19 июля 1998 г. (ред. от 10 июля 2012 г.) «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами».

¹⁵ Указ Президента Российской Федерации от 24 марта 2012 г. № 341 «Об утверждении Положения о порядке реализации Договора между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о развитии военно-технического сотрудничества от 10 декабря 2009 г.» // <http://www.fsvts.gov.ru/materials/55DCB9061695F057C325745C003587DC.html> (дата обращения: 17 февраля 2014 г.).

¹⁶ Щербакова А. А. Военно-техническое сотрудничество между Израилем и США // <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/09-08-11a.htm> (дата обращения: 13 февраля 2014 г.).

международных коммерческих контрактов, возникнут споры гражданско-правового характера.

Основной причиной таких проблем является наличие в теории и практике международного права двух подходов к решению вопроса о правовом положении государства как субъекта международного частного права. Первым является подход, в основе которого лежит концепция «абсолютного» иммунитета государства, суть которой заключается в том, что государство пользуется иммунитетом во всех случаях, независимо от того, какой характер носят отношения с участием государства — публично-правовой или частноправовой, за исключением случаев, когда государство само отказалось от иммунитета. Основу другого подхода, как известно, составляет концепция ограниченного, или «функционального» иммунитета государства, согласно которой вся деятельность государства как субъекта международных отношений разделяется на два вида: действия государства как суверена, носителя публичной власти (субъекта отношений властного характера) и действия государства коммерческого характера (субъекта отношений невластного характера). В последнем случае государство не может ссылаться на иммунитет, поскольку выступает в качестве частного лица.

Доктрина абсолютного иммунитета превалировала в теории международного права во второй половине XIX в. и начале XX в. Однако еще 1891 г. в проекте Регламента Института международного права «О компетенции судов в делах против иностранных государств и государей» были сформулированы основные положения теории функционального иммунитета. Этот проект устанавливал, в частности, что против иностранного государства допускаются иски, если они относятся к какому-либо промышленному или торговому предприятию, которое является собственностью иностранного государства.¹⁷

Активное участие государств (прежде всего СССР) во внешней торговле привело к принятию некоторыми государствами (преимущественно с рыночной экономикой) специальных законов, ограничивающих иммунитет иностранных держав.¹⁸

Упомянутые концепции, нашедшие свое отражение в законодательстве и судебной практике различных государств, привели к необходимости разработки и принятия многосторонних международных договоров, целью которых была унификация международно-правовых норм на основе концепции функционального иммунитета государства.

В числе первых таких договоров необходимо прежде всего упомянуть Конвенцию об унификации некоторых правил, касающихся иммунитета государственных судов (Брюссель, 10 апреля 1926 г.).

В ст. 1 Конвенции содержится положение о том, что «морские суда, принадлежащие государству или эксплуатируемые государством, грузы, принадлежащие государству, грузы и пассажиры, перевозимые на

¹⁷ Хлестова О. И. Брюссельская конвенция об унификации некоторых правил относительно иммунитета государственных торговых судов // Журнал российского права. 2008. № 3. С. 117.

¹⁸ См.: Канашевский В. А. Международное частное право. М., 2006. С. 167; Богуславский М. М. Практика применения принципа иммунитета государства и проблема законодательного регулирования // Международное частное право. Современная практика. Сб. статей / под ред. М. М. Богуславского, А. Г. Светланова. М., 2000. С. 216. — Как отмечает М. М. Богуславский, появление концепции ограниченного иммунитета было связано с тем, что «государство стало шире вовлекаться в коммерческую деятельность, которая связана с международными товарными и финансовыми рынками».

государственных судах, так же как и государство, которое является собственником или эксплуатирует такие суда, а также является собственником таких грузов, в отношении требований по поводу эксплуатации таких судов или в отношении перевозки грузов обязано нести ответственность, и к нему применяются те же правила, что и к частным судам, грузам и оборудованию».¹⁹

Таким образом, Конвенция закрепила иммунитет только за теми государственными судами, которые используются для целей иных, чем перевозка грузов и пассажиров. Дополнительный протокол к Конвенции, принятый 24 мая 1934 г., распространил действие Конвенции в сфере предоставляемого ей иммунитета и на зафрахтованные государством суда, если они используются государством «исключительно для правительственной и некоммерческой службы».²⁰ Конвенция и Протокол вступили в силу 8 января 1937 г., однако не получили достаточного распространения.

Следующим шагом в направлении унификации договорных норм стала Европейская конвенция об иммунитете государств (Базель, 16 мая 1972 г.), которая при определении правового статуса государства исходит из концепции функционального иммунитета, однако при этом не устанавливает критериев, по которым можно определить, в каком качестве выступает государство в тех или иных отношениях — как носитель властных полномочий или как равноправный субъект частноправовых отношений, а лишь перечисляет случаи, когда государство не пользуется иммунитетом.²¹

Несмотря на то что Дополнительный протокол к Конвенции даже предусматривает создание специального Европейского суда по вопросам иммунитета государств, она также не получила достаточного распространения.²² В настоящее время участниками Конвенции являются восемь европейских государств,²³ при этом Дополнительный протокол действует лишь в отношении шести государств.²⁴

Более успешной оказалась унификация норм международного права, закрепляющих положения концепции функционального иммунитета применительно к государственным морским судам в рамках Международной конвенции об унификации некоторых правил, касающихся ареста морских судов (Брюссель, 10 мая 1952 г.) и Конвенции ООН по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 г.). В настоящее время участниками Конвенции ООН по морскому праву являются более 160 государств мира, в том числе и Российская Федерация.

В контексте рассматриваемой проблемы особое значение имеют ст. 32, 95–96 Конвенции, закрепившие положение о «полном иммунитете» военных кораблей и других судов, принадлежащих государству или эксплуатируемых им и состоящих только на некоммерческой государственной службе, от юрисдикции какого бы то ни было государства, кроме

¹⁹ Конвенция об унификации некоторых правил, касающихся иммунитета государственных судов (Брюссель, 10 апреля 1926 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Там же.

²¹ *Международное частное право*: Сб. документов. М., 1997. С. 41–51.

²² Там же. С. 51–55.

²³ Статус Европейской конвенции об иммунитете государств (Базель, 16 мая 1972 г.) (по состоянию на 13 февраля 2014 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Статус Дополнительного протокола к Европейской конвенции об иммунитете государств (Базель, 16 мая 1972 г.) (по состоянию на 13 февраля 2014 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

государства флага.²⁵ Наделив военные корабли «полным иммунитетом», Конвенция таким образом закрепила особый правовой статус военных кораблей не только как специфических органов власти, действующих от имени государства в рамках полномочий, регламентированных нормами международного права, но и как имущества, находящегося в государственной собственности и пользующегося иммунитетом в силу его особого предназначения. Положения, закрепляющие иммунитет военных кораблей и военно-вспомогательных судов, нашли свое отражение и в других многосторонних конвенциях.²⁶ Некоторые международные договоры наделяют «суверенным иммунитетом» и военные летательные аппараты.²⁷

Наконец, 2 декабря 2004 г. Генеральной Ассамблеей ООН была одобрена и открыта для подписания Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности, являющаяся уже универсальным международным договором с точки зрения как предмета правового регулирования, так и территориальной сферы применения. Положения Конвенции также основаны на концепции функционального иммунитета. Однако в контексте рассматриваемой проблемы обращает на себя внимание то, что она устанавливает запрет на применение после вынесения судебного решения судом другого государства таких принудительных мер, как «обращение взыскания, арест и исполнение решения» в отношении государственной собственности военного характера, а также используемой или предназначенной для использования при исполнении военных функций. При этом, исходя из содержания ст. 19 и 21 Конвенции, «собственность военного характера или используемая или предназначенная для использования при исполнении военных функций» относится к «особой категории собственности», которая не может рассматриваться как используемая в иных целях, «чем государственные некоммерческие цели».²⁸

Принятие и вступление в силу международных конвенций оказало влияние и на процесс нормотворчества по закреплению институтов, регламентирующих правовой статус иностранного государства на основе концепции функционального иммунитета, во внутригосударственном праве.

В Российской Федерации с момента ратификации Конвенции ООН по морскому праву 12 марта 1997 г. подобные положения были закреплены в Федеральном законе от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ (ред. от 3 февраля 2014 г.) «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» (ст. 6, 8–9), Кодексе торгового мореплавания Российской Федерации (ст. 3), Гражданском кодексе Российской Федерации (ст. 1204), Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (ст. 251) и ряде подзаконных актов.

Но несмотря на то, что в настоящее время у большинства юристов уже не вызывает сомнения тот факт, что концепция функционального

²⁵ *Тарханов И. Е., Сорокин Р. Ф.* Конвенция ООН по морскому праву и военное мореплавание. Л., 1988. С. 151.

²⁶ Например, п. 2 ст. 8 Международной конвенции об аресте судов 1999 г. [рус., англ.] (Заключена в г. Женеве 12 марта 1999 г.); Конвенция об охране подводного культурного наследия (Вместе с Правилами, касающимися деятельности, направленной на подводное культурное наследие) (Заключена в г. Париже 2 ноября 2001 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Конвенция об охране подводного культурного наследия (Вместе с Правилами, касающимися деятельности, направленной на подводное культурное наследие).

²⁸ Конвенция Организации Объединенных Наций о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности (Нью-Йорк, 2 декабря 2004 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

иммунитета государства в большей степени отвечает интересам участников гражданского оборота по сравнению с концепцией абсолютного иммунитета, поскольку в той или иной степени уравнивает правовой статус государства в его отношениях с субъектами частного права, говорить о существенном прорыве в области унификации как норм международного права, так и национального законодательства государств на основе упомянутой концепции пока нет оснований.

Процесс присоединения государств к Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности (Нью-Йорк, 2 декабря 2004 г.) явно затянулся. В настоящее время Конвенцию ратифицировали только четырнадцать государств, тогда как для ее вступления в силу необходима ратификация, принятие, утверждение не менее чем тридцатью государствами мира.²⁹

Неординарная ситуация сложилась и с принятием Федерального закона Российской Федерации «Об иммунитете иностранных государств и их собственности». Проект этого закона в первом чтении был принят Государственной Думой Российской Федерации еще в 2005 г.

Интерес представляли, прежде всего, ст. 16–17 упомянутого проекта Федерального закона, которые предусматривали распространение иммунитета от принятия обеспечительных мер и от исполнения судебного решения на «имущество военного характера» и «имущество, используемое либо предназначенное для использования в военных целях или в миротворческих операциях, признаваемых Российской Федерацией».³⁰

Однако Постановлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 8 апреля 2011 г. № 5106-5 ГД проект Федерального закона «Об иммунитете иностранных государств и их собственности» был отклонен. Основанием такого решения явилось заключение Комитета Государственной Думы по собственности, в котором говорится о концептуальных недостатках законопроекта и содержится вывод о нецелесообразности дальнейшей работы над ним.³¹

Таким образом, за последнее десятилетие кардинальных изменений в российском законодательстве, касающихся правового положения государства в отношениях частноправового характера, не произошло. Анализ п. 1 ст. 251 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что основы правового положения иностранного государства в арбитражном суде сформулированы с учетом концепции функционального иммунитета, тогда как п. 1 ст. 401 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации по-прежнему закрепляет за иностранным государством абсолютный иммунитет.

Что касается Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 г., еще не вступившей в силу, то представляется, что ее положения можно рассматривать как совокупность обычных норм международного права. Во всяком случае, такой вывод можно сделать из содержания преамбулы Конвенции, в которой утверждается, в первых, что «юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности

²⁹ Статус Конвенции Организации Объединенных Наций о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности (Нью-Йорк, 2 декабря 2004 г.) (по состоянию на 13 февраля 2014 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰ Постановление Государственной Думы ФС РФ от 11 марта 2005 г. № 1590-IV ГД «О проекте Федерального закона № 127618-4 «О юрисдикционном иммунитете иностранного государства и его собственности"») // СПС «КонсультантПлюс».

³¹ СЗ РФ. 2011. № 16. 18 апреля. Ст. 2236.

получили общее признание в качестве одного из принципов обычного международного права», а во-вторых, что «нормы обычного международного права будут продолжать регулировать вопросы, не предусмотренные положениями настоящей Конвенции» (разумеется, с определенной оговоркой, учитывая количество государств, подписавших и ратифицировавших Конвенцию).

Особенности правового положения государства как субъекта международного частного права находят свое отражение и в науке международного права. Предметом исследования российских юристов в последние годы являются современные тенденции развития концепции функционального иммунитета государства применительно к положениям Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 г., иностранного законодательства и практики, сложившейся в процессе рассмотрения частноправовых споров с участием государства как в рамках национальных судебных систем, так и в порядке международного коммерческого арбитража.³²

Вместе с тем целый ряд положений концепции функционального иммунитета применительно к государству как субъекту международного права и участнику процесса международного военно-технического сотрудничества еще требуют исследования, анализа и осмысления.

Представляется, что основная проблема состоит в поиске ответа на вопрос: насколько обоснованно применение основных положений концепции функционального иммунитета к участию государства в этом процессе?

В частности, необходимо уяснить следующее.

1. Насколько обоснованно предъявление иска к иностранному государству (государственному органу), являющему стороной контракта, предметом которого является оборот продукции военного назначения, в случае нарушения государством условий, предусмотренных контрактом?

2. Распространяется ли иммунитет на продукцию военного назначения, находящуюся в собственности частных лиц — субъектов военно-технического сотрудничества, в случае привлечения их в качестве ответчика по спорам, связанным с контрактами, предметом которых является оборот продукции военного назначения?

3. Распространяется ли иммунитет на продукцию военного назначения, находящуюся в государственной собственности, в случае привлечения в качестве ответчика по спорам, связанным с контрактами, предметом которых является оборот продукции военного назначения, государственных юридических лиц, являющихся государственными посредниками?

4. Может ли быть обращено взыскание на продукцию военного назначения, находящуюся в собственности частных компаний, вывезенную за границу для участия в выставках, а также на имущество военного характера, принадлежащее государству и находящееся за пределами государственной территории, по искам к государству, связанным с осуществлением им коммерческой деятельности?

Ответы на эти вопросы не могут быть однозначными. Представляется, что во многом они будут определяться исходя из тех подходов, того законодательства и той практики, которые сложились в том или ином государстве и которые государство считает необходимым или возможным

³² См.: Хлестова И. О. 1) Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности // Международный коммерческий арбитраж. 2005. № 4. С. 5–15; 2) Иммунитет иностранного государства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2005. № 2. С. 12–37.

использовать при разрешении подобных спорных ситуаций. Тем не менее с учетом тех положений, которые получили закрепление в международном и национальном праве и обоснованы в научной литературе, эти ответы в общем виде можно попытаться сформулировать.

В случае, если государство при заключении контракта, предметом которого является продукция военного назначения, выразило свое согласие на юрисдикцию суда другого государства (коммерческого арбитража) путем закрепления подобного согласия в самом контракте либо в отдельном соглашении, применимом к контракту, то логичным будет признание того факта, что государство отказывается от судебного иммунитета. Разумеется, что при этом должен быть соблюден установленный законом порядок подобного отказа. Такой вывод вполне согласовывается с концепцией как абсолютного, так и функционального иммунитета государства.

В общих чертах возможность и правовые последствия такого отказа предусмотрены, в частности, уже упомянутыми положениями Гражданского процессуального и Арбитражного процессуального кодексов Российской Федерации, а также п. 1 ст. 7 Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности. При этом, однако, в соответствии с п. 2 Конвенции «согласие государства на применение законодательства другого государства не должно пониматься как согласие на осуществление юрисдикции судами этого государства».

Что касается принудительных мер, принимаемых в отношении иностранного государства, например, таких, как обращение взыскания или арест, применяемый в отношении собственности государства, то в соответствии со ст. 18 Конвенции они могут быть приняты в связи с разбирательством в суде другого государства только в том случае, «если государство прямо согласилось на принятие таких мер» либо «зарезервировало или обозначило собственность для удовлетворения иска, являющегося объектом этого разбирательства».

В случае, когда в контракте с участием государства не содержится положений о применимом праве либо таким правом является право этого же государства, то при решении вопроса о судебном иммунитете государства в сделках с имуществом военного назначения необходимо, в первую очередь, исследовать характер правоотношений, в которые вступает государство, заключая подобную сделку.

На это, в частности, указывает М. М. Богуславский. Рассматривая основания для применения в отношении государства концепции ограниченного иммунитета, он отмечает, что решающее значение здесь имеет «определение коммерческого характера контракта», причем «первостепенное внимание следует уделить критерию характера, который должен сочетаться с критерием цели действия контракта».³³ Подобное правило получило закрепление в п. 2 ст. 2 Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности, который устанавливает, что «при определении того, является контракт или сделка “коммерческой сделкой”... следует прежде всего исходить из природы этого контракта или сделки, однако следует также учитывать его цель...».³⁴

И. О. Хлестова справедливо отмечает, что использование критерия «цель сделки» позволяет государству защитить свои национальные

³³ Богуславский М. М. Международное частное право. М., 2004. С. 179.

³⁴ Конвенция Организации Объединенных Наций о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности (Нью-Йорк, 2 декабря 2004 г.).

интересы в случаях, когда сделка осуществляется в государственных интересах.³⁵

Действительно, поскольку процесс международного военно-технического сотрудничества прежде всего обусловлен теми или иными политическими факторами, то применение принудительных мер по отношению к продукции военного назначения, обмен которой и составляет основное содержание этого процесса, всегда будет затрагивать политическую, т. е. суверенную деятельность государства, и, следовательно, являться нарушением обычной международно-правовой нормы об иммунитете государственной собственности.

Вместе с тем нельзя не признать тот факт, что процесс военно-технического сотрудничества в целом направлен на достижение не только политических, но и экономических, а зачастую и коммерческих целей. Например, ст. 3 Федерального закона от 19 июля 1998 г. «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» прямо указывает, что одной из основных целей военно-технического сотрудничества является «получение валютных средств для государственных нужд». В качестве одного из принципов финансовой политики при осуществлении военно-технического сотрудничества упомянутый закон закрепляет «обязательность и пропорциональность распределения прибыли между всеми организациями, участвующими в осуществлении военно-технического сотрудничества» (п. 1 ст. 13).

Таким образом, следует признать, что контракты в сфере военно-технического сотрудничества, в том числе с участием государства, предметом которых является оборот продукции военного назначения, носят коммерческий характер. Это отмечает и В. В. Кудашкин, указывая, что «гражданско-правовой оборот вооружения и военной техники происходит через совершение и осуществление в отношении них внешнеторговых сделок, т. е. в рамках международных частноправовых отношений».³⁶

Следовательно, в случае возникновения споров, связанных с такими сделками, и предъявления к государству иска в суде другого государства либо вступления государства в судебное разбирательство в качестве истца государство не будет пользоваться иммунитетом от юрисдикции иностранного суда. На это указывают и положения Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 г.³⁷

Что касается иммунитета государственной собственности, то здесь Конвенция закрепляет два основных принципа.

1. До вынесения судебного решения собственность государства обладает иммунитетом от принудительных мер, за исключением случаев, когда оно прямо согласилось на принятие таких мер (ст. 18 Конвенции).

2. В случае вынесения судебного решения против государства в отношении собственности государства в соответствии с п. «с» ст. 19 Конвенции

³⁵ Хлестова И. О. Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности // Международный коммерческий арбитраж. С. 7.

³⁶ Кудашкин В. В. Государственное регулирование торговли продукцией военного назначения с иностранными государствами: теория и практика. СПб., 2003. С. 192.

³⁷ В п. 1 ст. 10 Конвенции закреплено следующее правило: «Если государство заключает коммерческую сделку с иностранным физическим или юридическим лицом и, в силу применимых норм международного частного права, разногласия относительно этой коммерческой сделки подлежат юрисдикции суда другого государства, это государство не может ссылаться на иммунитет от юрисдикции при разбирательстве дела, возникшего из этой коммерческой сделки».

могут быть приняты «принудительные меры, такие, как обращение взыскания, арест и исполнение решения», если будет установлено, что «собственность используется или предназначается для использования государством для иных целей, чем государственные некоммерческие цели». Вместе с тем в качестве таковой не рассматривается «собственность военного характера или используемая или предназначенная для использования при исполнении военных функций» (ст. 21 Конвенции).

Таким образом, Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 г. наделяет принадлежащую государству собственность военного характера, а также собственность, используемую или предназначенную для использования при исполнении военных функций, абсолютным иммунитетом. При этом, однако, понятие «собственность военного характера» в Конвенции не раскрывается.

Логично предположить, что в случае вступления Конвенции в силу вопрос о содержании этого понятия будет решаться соответствующими органами государства — участника Конвенции в соответствии с его законодательством и сложившейся правоприменительной практикой. Однако анализ законодательства различных государств показывает, что в рассматриваемой области оно не отличается единообразием.

Например, в российском законодательстве используется понятие «продукция военного назначения», под которым понимается «вооружение, военная техника, работы, услуги, результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность) и информация в военно-технической области за исключением информации, которая может быть опубликована в соответствии с законодательством Российской Федерации в средствах массовой информации, произведениях науки, литературы и искусства, рекламных материалах».³⁸

К «продукции военного назначения», в частности, относится специальное тыловое оборудование, военная форма одежды и ее атрибуты, коллективные и индивидуальные средства защиты от оружия массового поражения, научно-техническая документация, регламентирующая безопасность производства продукции военного назначения, стандарты безопасности для человека и объектов окружающей среды, подготовка и обучение военных и военно-технических кадров иностранных государств, услуги инвестиционного, маркетингового, рекламного и иного характера в области военно-технического сотрудничества, консультации по вопросам строительства вооруженных сил, боевого применения вооружения и военной техники и другим военным и военно-техническим вопросам и многое другое.³⁹

Понятие «продукция военного назначения» используется и в Положении о проведении международных выставок образцов продукции военного назначения на территории Российской Федерации и об участии Российской Федерации в таких выставках на территориях иностранных государств,⁴⁰ однако его содержание не раскрывается.

В российском законодательстве встречаются и другие понятия, близкие по своему содержанию к понятию «продукция военного назначения».

³⁸ Статья 1 Федерального закона № 114-ФЗ от 19 июля 1998 г. (ред. от 10 июля 2012 г.) «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами».

³⁹ Статья 1 Федерального закона № 114-ФЗ от 19 июля 1998 г.

⁴⁰ Утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 2 июня 2007 г. № 339 (ред. от 12 декабря 2013 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Например, Положение о транзите вооружения, военной техники и военного имущества через территорию Российской Федерации раскрывает содержание таких понятий, как «вооружение», «военная техника» и «военное имущество».⁴¹

Под вооружением и военной техникой, в частности, понимаются «комплексы различных видов оружия и средств обеспечения его боевого применения, в том числе средств доставки, системы наведения, пуска, управления, а также другие специальные технические средства, предназначенные для оснащения вооруженных сил, боеприпасы и их компоненты, запасные части, приборы и комплектующие изделия к приборам, учебное оружие (макеты, тренажеры и имитаторы различных видов вооружения и военной техники)».⁴²

В понятие «военное имущество» включаются «системы обеспечения жизнедеятельности личного состава вооруженных сил, материалы специального назначения и специальное оборудование для их производства, коллективные и индивидуальные средства защиты от оружия массового поражения, средства профилактики и лечения последствий применения оружия массового поражения, специальное тыловое оборудование, военная форма одежды и ее атрибуты».⁴³ При этом упомянутое Положение допускает возможность принадлежности вооружения, военной техники и военного имущества как иностранным государствам, так и «иностранному лицу».

Наряду с понятиями «военное имущество» «продукция военного назначения», «вооружение», «военная техника» в российском законодательстве используется и понятие «имущество вооруженных сил». Отличительной особенностью такого имущества является то, что оно может находиться исключительно в собственности государства.

Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ (ред. от 3 февраля 2014 г.) «Об обороне» устанавливает, что «имущество Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов является федеральной собственностью и находится у них на правах хозяйственного ведения или оперативного управления».⁴⁴

В ряде нормативно-правовых актов используется понятие «военное имущество Вооруженных сил Российской Федерации», а также «военное имущество внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации, войск гражданской обороны, воинских формирований и органов».⁴⁵

⁴¹ Утв. Постановлением Правительства РФ от 8 апреля 2000 г. № 306 (с изм. от 28 марта 2008 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴² Пункт 2 Положения о транзите вооружения, военной техники и военного имущества через территорию Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

⁴³ Там же.

⁴⁴ Пункт 12 ст. 1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ (ред. от 3 февраля 2014 г.) «Об обороне» // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Верховного Совета РФ от 27 декабря 1991 г. № 3020-1 (ред. от 24 декабря 1993 г.) «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2008 г. № 1054 «О порядке высвобождения имущества Вооруженных сил Российской Федерации» (ред. от 26 января 2010 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Понятие «военное имущество» встречается и в российской юридической литературе. С. А. Братцев, например, отмечает, что военное имущество можно разделить на две основные группы. К первой группе относится выведенное из гражданского оборота имущество, предназначенное для использования исключительно в военных целях (вооружение, военная техника, боеприпасы и т. д.). Это «собственно военное имущество». Вторую группу составляет так называемое имущество «двойного назначения» (автомобили и автотранспортная техника, вещевое имущество и снаряжение, транспорт и иные вспомогательные воздушные и морские суда, аэродромы, причалы, трубопроводы и т. п.).⁴⁶

На практике спорные вопросы, касающиеся квалификации имущества, товаров и услуг на предмет отнесения их к продукции военного назначения, как правило, относятся к компетенции ведомственных органов исполнительной власти конкретного государства.

Например, в Российской Федерации подобная процедура осуществляется на основании Приказа министра обороны Российской Федерации от 15 апреля 2000 г. Управлением экспортного контроля Министерства обороны, которое при необходимости выдает федеральным органам исполнительной власти и иным заявителям заключение об отнесении экспортируемой или импортируемой продукции к продукции военного назначения.

В законодательстве зарубежных стран (Канада, США, Австралия, Великобритания, Пакистан, Сингапур) получило закрепление понятие собственности, которая «используется или предназначена для использования в связи с военной деятельностью, или является военной по своей природе, или находится под контролем военных властей», а также собственности, «используемой в военных целях». Решение вопроса об отнесении такой собственности к имуществу военного назначения находится, как правило, в ведении специальных правительственных органов. При этом упомянутая собственность «пользуется иммунитетом от предварительных мер и исполнительных действий».⁴⁷

Так, в США коммерческие сделки, предметом которых является подобное имущество, контролируются Государственным департаментом США по контролю оборонной торговли (The State Department's Office of Defense Trade Controls — DTC), отвечающим за регулирование и лицензирование экспорта технологий, услуг и товаров, имеющих оборонное значение. В случаях, если возникает сомнение в том, подпадает или нет какая-либо продукция военного назначения под перечень военного снаряжения США, запрещенного к передаче иностранным государствам, DTC выносит заключение относительно того, входят ли определенные изделия или услуги в этот перечень.⁴⁸

Таким образом, не вызывает сомнения, что закрепленное в подп. «b» п. 1 ст. 21 Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 г. правовое понятие собственности военного характера или используемой или предназначенной для использования при исполнении военных функций может трактоваться национальными судами

⁴⁶ Братцев С. А. Правовые основы высвобождения в Вооруженных силах Российской Федерации военного имущества и его реализации // Право в вооруженных силах. 2004. № 12. С. 31.

⁴⁷ Хлестова О. И. Иммунитет иностранного государства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2005. № 5. С. 33.

⁴⁸ Кудашкин В. В. Государственное регулирование торговли продукцией военного назначения с иностранными государствами: теория и практика. С. 324.

достаточно широко, что в итоге не обеспечит единообразную практику признания (либо непризнания) абсолютного иммунитета в отношении отдельных категорий имущества (к примеру, имущества двойного назначения), принадлежащего иностранным государствам.

Рассматривая вопрос об иммунитете государственной собственности военного назначения, нельзя обойти вниманием некоторые проблемы определения правового статуса имущества военного назначения, находящегося в собственности государственных компаний (каковыми являются, например, российские организации, получившие право на осуществление внешнеторговой деятельности в отношении продукции военного назначения), именуемых, как уже отмечалось, «субъектами военно-технического сотрудничества».

По мнению И. О. Хлестовой, «квалификация в качестве “иностранного государства” компаний, полностью принадлежащих иностранному государству» не вызывает вопросов, о чем свидетельствует практика судов США, распространяющих иммунитет как на сами компании, так и на их собственность.⁴⁹

В то же время существует большая вероятность того, что в процессе рассмотрения в иностранном суде или арбитраже спора, вытекающего, например, из контракта поставки продукции военного назначения, одной из сторон которого является российская организация, иностранный суд (арбитраж) при исследовании вопроса о правовом статусе российской организации обратится к российскому законодательству.

Поскольку в соответствии с п. 1 ст. 12 Федерального закона «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» такие организации именуются «государственными посредниками», то вполне возможно, что контракты, заключенные подобными организациями, будут рассматриваться как заключенные если не от имени, то по поручению государства.⁵⁰ В случае вынесения судебного или арбитражного решения против российской организации взыскание может быть обращено на имущество, находящееся в собственности Российской Федерации, несмотря на то что на основании п. 3 ст. 126 Гражданского кодекса Российской Федерации, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования не отвечают по обязательствам созданных ими юридических лиц.

Это находит свое подтверждение и в решениях иностранных судов.

Широкую известность получил, например, факт ареста французскими властями в 2001 г. российских боевых самолетов Су-30МК и МиГ-АТ, прибывших на авиасалон в Ле-Бурже, во исполнение решения Арбитражного института Стокгольмской торговой палаты по иску швейцарской компании «Нога» к Российской Федерации. В итоге решение французского суда о наложении ареста на российские самолеты было признано незаконным, поскольку самолеты принадлежали не государству, а государственным предприятиям — ФГУП «АВПК “Сухой”», ФГУП «РСК “МиГ”». ⁵¹ Однако

⁴⁹ Хлестова О.И. Иммунитет иностранного государства. С. 15.

⁵⁰ Там же. С. 13. — Автор отмечает, что «часто не проводится различие между государством и его органами, с одной стороны, и самостоятельными государственными организациями, являющимися юридическими лицами, — с другой; требования, обращенные непосредственно к государству, предъявляются одновременно и к государственным юридическим лицам; на их имущество обращается взыскание по решениям, вынесенным против государства».

⁵¹ <http://lenta.ru/world/2002/12/18/noga/> (дата обращения: 17 декабря 2013 г.).

произошедший инцидент повлиял на решение России отказаться от участия в показе военной авиационной техники на авиационных салонах в Фарнборо в 2002 г. и в Ле-Бурже в 2003 г.

Иное решение вынес канадский суд, рассматривая вопрос о правомочности ареста 26 июня 2003 г. самолета Ан-124-100 «Руслан», являвшегося собственностью Украины, принадлежащего государственному предприятию «АНТК им. О. К. Антонова» и эксплуатировавшегося транспортным подразделением предприятия — авиакомпанией «Авиалинии Антонова».⁵² Арест был произведен на основании решения Верховного суда Канады о признании решения Арбитражного института Стокгольмской торговой палаты от 30 мая 2002 г. в связи с делом по иску кипрской компании TMR Energy Ltd. к Фонду государственного имущества Украины. АНТК им. О. К. Антонова опротестовало арест самолета, поскольку предприятие является самостоятельным хозяйственным субъектом и не входит в сферу подчинения Фонда государственного имущества Украины, к которому был обращен иск. Кипрская компания, в свою очередь, доказывала, что поскольку АНТК им. Антонова является государственным предприятием, оно должно нести ответственность по обязательствам Фонда государственного имущества Украины. Федеральный суд Канады принял решение в пользу кипрской компании, подтвердив законность и обоснованность ареста самолета.

В ходе слушания дела представители владельца воздушного суда также попытались доказать, что самолет должен пользоваться иммунитетом как военная техника, поскольку самолеты этого типа стоят на вооружении ВВС России, тем более что данный самолет выполнял полет в интересах вооруженных сил Италии и Канады и, следовательно, непосредственно предназначался для ведения военных действий. Однако эти утверждения не были приняты судом в качестве доказательств.

При этом в решении суда, в частности, было отмечено, что, поскольку самолет являлся предметом управления Фонда государственного имущества Украины и на нем отсутствовали военные опознавательные знаки, то к нему не применимы нормы Государственного акта Канады об иммунитете и данное имущество не пользуется иммунитетом. В целом, как подчеркнул суд, решение суда об аресте самолета рассматривается как направленное к государству Украина, а не к АНТК им. Антонова. В резолютивной части решения суда содержалось предписание шерифу провинции Ньюфаундленд и Лабрадор, непосредственно вынесшему решение об аресте самолета, немедленно начать процедуру продажи самолета на основании этого судебного решения.⁵³

Во исполнение решения Стокгольмского арбитража 18 августа 2004 г. на территории военного аэродрома в Брюсселе был арестован еще один самолет Ан-124, принадлежавший АНТК им. О. К. Антонова. На этот раз арест был произведен властями Бельгии.⁵⁴

⁵² В настоящее время «Авиалинии Антонова» — авиатранспортное подразделение Государственного предприятия «АНТОНОВ» (<http://www.antonov.com> (дата обращения: 22 мая 2014 г.)).

⁵³ Кукса В. «Руслан» и Фемиды: продать нельзя купить, или «зеленый свисток» к массовому отчуждению украинской собственности за рубежом // «Зеркало недели». 2004. № 2. 17 января (http://zn.ua/LAW/ruslan_i_femida-38634.html (дата обращения: 17 февраля 2014 г.)).

⁵⁴ <http://lenta.ru/world/2004/08/20/plane/> (дата обращения: 17 февраля 2014 г.).

Особое внимание необходимо обратить на то, что в обоих случаях украинские самолеты были арестованы в ходе выполнения полетов, связанных с перевозкой вооружения и военной техники для воинского контингента международных сил содействия безопасности в Афганистане в рамках контракта, заключенного между НАТО и АНТК им. О. К. Антонова.⁵⁵

В итоге Верховный суд провинции Ньюфаундленд пересмотрел вынесенное ранее решение и после девятнадцатимесячного пребывания под арестом самолет был возвращен собственнику. Второй самолет был возвращен властями Бельгии Украине только в декабре 2005 г. после завершения сложного переговорного процесса с TMR Energy Ltd., результатом которого стало подписание мирового соглашения, «в соответствии с условиями которого стороны хозяйственного спора приостанавливают все судебные действия во всех инстанциях и отказываются от всех претензий».⁵⁶

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что в ближайшие годы вопросы, касающиеся иммунитета иностранного государства и его собственности военного характера, а также продукции военного назначения, находящейся в собственности иностранных государственных организаций и частных компаний, участвующих в процессе международного военно-технического сотрудничества, будут по-прежнему решаться, в первую очередь, на основе существующих норм национального права и сложившейся судебной и арбитражной практики.

⁵⁵ Бельгийские власти арестовали Ан-124, зафрахтованный НАТО // Известия. 2004. 20 апреля (<http://izvestia.ru/news/293345> (дата обращения: 17 февраля 2014 г.)).

⁵⁶ В Украину из Брюсселя возвращается освобожденный из-под ареста «Руслан» (<http://censor.net.ua/news/57498/> (дата обращения: 22 мая 2014 г.)).